

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1892

СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТЪ, 1892 г.

	СТР.
I. Последний изъ Воротынцевыхъ. Романъ. XII—XIII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	609
II. Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. В. И. Вибикова	638
III. Чайная Роза. XV—XXVIII. (Окончаніе). С. Н. Терпигорова	646
IV. До и послѣ... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). XI—XIII. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	678
V. Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова. II. (Продолженіе). Н. К. Мартыанова	700
VI. Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей 1853 г. III. Посольство князя Меншикова въ Константинополь. (Окончаніе). С. С. Татищева	720
VII. Обрусѣніе инородцевъ и задачи обрусительной политики. И. И. Смирнова	752
VIII. Вооруженный миръ и торговые договоры Р. И. Сементковскаго	765
IX. Какъ объясняютъ русскіе историки происхожденіе у насъ крѣпостнаго права. И. М. Гутьяра	783
X. Василій Григорьевичъ Перовъ. В. В. Стасова	794
Иллюстраціи: 1) Портретъ В. Г. Перова.—2) Охотники на привалѣ.—3) Птицеловъ.—4) Учитель рисованія.—5) Странникъ.	
XI. Кто занялъ Новгородскую гавань въ 1860 году? А. Вѣлмора	801
XII. Къ характеристикѣ М. Н. Мусина-Пушкина. Отрывокъ изъ воспоминаній. М. В. Шевлякова	811
XIII. Нельсонъ и Эмма Гамильтонъ. Ф. В.	818
Иллюстраціи: 1) Портретъ Горацио Нельсона.—2) Нельсонъ въ битвѣ при Сель-Вансенѣ, 14 февраля 1797 года.	
XIV. Критика и библиографія	827
1) Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Выпускъ первый. Спб. 1892. Вл. 3.—2) Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. (Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библиографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинокъ, относящихся къ курсу). Составилъ преподаватель Нижегородской классической гимназіи и педагогическаго класса Нижегородской Маринской женской гимназіи, А. Кролюницкій. М. 1892. П. П.—3) «Библиографическія Записки». № 1. Москва. 1892. «Посредникъ печатнаго дѣла». № 1. Спб. 1892. В. Б.—4) Сергій Тимоосевичъ Аксаковъ. 1791—1891. Критико-биографическій очеркъ Виктора Острогорскаго. Съ портретомъ, гравированнымъ на стали. Спб. 1891. С.—5) Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга восьмая. М. 1891. П. П.—6) Н. М. Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Томъ I. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Сѣверъ» за январь. Печатано подъ наблюденіемъ П. Н. Полеваго. Спб. 1892. В. Б.—7) Вл. Штейнъ. Графъ Джакомо Леонарди и его теорія infelicità. Литературный очеркъ. Спб. 1891. Вл. 3.—8) Исторія православной церкви до начала раздѣленія церковей. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1891. X.—9) Гринъ, Джонъ Ричардъ. Исторія англійскаго народа. Переводъ съ англійскаго Николаева. Изданіе Солдатенкова. Т. I. Москва. 1891. А. Т.—10) Отчетъ по главному тюремному управленію за 1889 годъ. Спб. 1892. А. Фарсова.	
XV. Историческія мелочи	843
1) Отреченіе Наполеона въ Фонтенбло.—2) Характеристика возжаковъ и солдатовъ Вагдейскаго возстанія 1793 года.—3) Новое о Миравонской битвѣ.—4) Франкмасонство и духовенство.—5) Вещи, увезенныя императрицей Евгеніей изъ Тюльери 4 сентября 1870 года.	

Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ. 1791—1891. Критико-биографическій очеркъ Виктора Острогорскаго. Съ портретомъ, гравированнымъ на стали. Спб. 1891.

20-го сентября прошлаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія С. Т. Аксакова, и настоящій «очеркъ» составляетъ приложение къ юбилейному изданію (Н. Г. Мартынова) сочиненій знаменитаго автора «Семейной хроники» и «Дѣтскихъ годовъ Вагрова-внука». Этотъ «очеркъ», подобно другимъ этюдамъ о русскихъ писателяхъ В. П. Острогорскаго (о Гончаровѣ, Помяловскомъ, Лермонтовѣ), не есть научный трудъ, рассчитанный на специалистовъ, а представляетъ собою мастерское популярное изложеніе общезнаемаго биографическаго матеріала, почерпнутаго главнымъ образомъ изъ произведеній самого Аксакова, съ указаніемъ историко-литературнаго значенія сочиненій названнаго автора.

«Отецъ двухъ высоко даровитыхъ сыновей, Константина и Ивана Сергѣевичей, наиболее горячихъ и искреннихъ представителей славнофильства Сергій Тимофеевичъ представляетъ въ нашей литературѣ явленіе совершенно особенное, оригинальное. Между тѣмъ, какъ крупнѣйшіе представители ея, какъ Пушкинъ, Грибоедовъ, Гоголь, Лермонтовъ, и многіе другіе еще въ молодости составляютъ себѣ громкое имя и сходятъ въ могилу, не достигши даже пятидесяти лѣтъ, Сергій Тимофеевичъ, кое-что только переводившій для театра да пописывавшій незначительныя театральныя рецензіи, вдругъ на 56 году жизни выступаетъ съ оригинальной книгой «Записки объ уженъѣ рыбы», обратившей на себя общее вниманіе, а 65 и 67 лѣтъ, на краю могилы, выпускаетъ въ 1856 и 1868 гг. «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы Вагрова-внука», сразу поставившіе его въ рядъ самыхъ крупныхъ представителей русской художественной литературы». Чѣмъ объясняется это странное на первый взглядъ явленіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ биографія С. Т. Аксакова. Бесспорно, онъ былъ крупный художникъ по натурѣ. Съ ранняго дѣтства, когда онъ начинаетъ себя помнить, онъ является ребенкомъ крайне воспріимчивымъ, чувствительнымъ, съ сильнымъ воображеніемъ. «Всего болѣе художественность этой натуры обнаруживается въ отношеніяхъ къ природѣ, во всѣхъ этихъ уженьяхъ, ловлѣ птицъ, собираніи бабочекъ, насѣкомыхъ, грибовъ, растеній. Эта природа наполняетъ главнымъ образомъ духовный міръ ребенка, давая ему на всю жизнь множество разнообразныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній, дѣлаетъ его до конца дней самымъ страстнымъ и неизмѣннымъ своимъ поклонникомъ. Къ этой природѣ постоянно рвется онъ изъ гимназіи, мечтая до галлюцинацій о деревнѣ и любимыхъ занятіяхъ; въ ней находитъ и впослѣдствіи радость и утѣшеніе и ждетъ не дожидется, когда удастся вырваться изъ города на широкій ея просторъ». Здоровое чувство природы, никогда не оставлявшее Аксакова, сберегло въ немъ художника, который и выразился прежде всего въ разсказахъ о природѣ.

Повидно сказавшееся художественное дарованіе Аксакова было какъ бы усыплено, заглушено ученіе продолжительнаго періода его жизни, благодаря влиянію сначала домашней и школьной обстановки, а потомъ ложноклассической литературы и ея адептовъ, среди которыхъ такъ долго вращался нашъ писатель. Такъ, въ пору наибольшей воспріимчивости ко всему новому, въ пору юношескихъ порывовъ ко всему свѣжему и оригинальному,

Сергѣй Тимоѣевичъ всецѣло находился подъ ферулою сухаго педанта Карташевскаго. Этотъ mentorъ возмущался любовью мальчика къ природѣ и тщательно охранялъ его отъ знакомства съ новыми литературными теченіями, воспитывая его вкусъ на сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Дмитріева, Капниста и т. п. Изъ иностранныхъ книгъ были допущены «малопонятныя для тринадцатилѣтняго мальчика проповѣди придворныхъ проповѣдниковъ Людовика XIV, Массильона, Вурдалу и даже Флешье, смерть Авеля Гесснера и его же слащавыя идилліи, лишенныя всякой естественности и оригинальности, да сказки Шехерезады съ Векфильскимъ священникомъ, уже извѣстныя Аксакову въ русскомъ переводѣ, и Донъ-Кихотомъ... Ни съ Шиллеромъ, ни съ Гете, ни съ Лессингомъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Мольеромъ, и тѣмъ болѣе Вольтеромъ, ни даже съ Вернаденомъ де-Сенъ-Пьеромъ или Лесажемъ,—словомъ, ни съ кѣмъ почти изъ лучшихъ иностранныхъ писателей познакомить его не было признано нужнымъ». Результатомъ подобныхъ условій первоначальнаго развитія было увлеченіе Аксакова ложнымъ классицизмомъ и «всякими литературными и театральными пустяками», преклоненіе предъ Шишковымъ, ненависть къ Карамзину, индифферентизмъ къ Пушкину, Лермонтову и т. п.

Первымъ проявленіемъ художественнаго таланта Сергѣя Тимоѣевича былъ небольшой рассказъ «Буранъ», появившійся въ сборникѣ Максимовича «Деница» (1834 г.). «Не зная, что бы такое дать въ книжку пріятеля, неотступную просьбу котораго хотѣлось исполнить, Сергѣй Тимоѣевичъ попробовалъ вспомнить о слышанномъ еще въ дорогомъ ему Оренбургскомъ краѣ рассказѣ о пострадавшемъ въ метель обозѣ, и вотъ явилась статейка, съ которой и начинается художественная дѣятельность писателя. Интересно при этомъ то обстоятельство, что статейку первый, не зная, кто ее написалъ, замѣтилъ и оцѣнилъ по достоинству не кто иной, какъ редакторъ «Московского Телеграфа» Н. А. Полевой, котораго Сергѣй Тимоѣевичъ такъ не любилъ и даже «прижималъ», будучи цензоромъ». Въ числѣ факторовъ, повліявшихъ на выступленіе Сергѣя Тимоѣевича на настоящую литературную дорогу, г. Острогорскій указываетъ на успѣхъ рассказика «Буранъ», поправившагося также и Гоголю, увлеченіе сочиненіями послѣдняго, повѣсти Пушкина, новые взгляды на искусство, проникшіе въ Аксаковскую семью съ поступленіемъ Константина въ университетъ. И вотъ «болѣе повѣдка тамъшійся въ человѣкѣ художникъ не только воспрянулъ для всѣхъ совершенно неожиданно, но и развернулъ, хотя и на закатѣ жизни, свой талантъ во всю ширь и глубь въ кругу матеріала, близко знакомаго автору и столь любимаго имъ съ дѣтства. Значеніе Аксакова, какъ писателя, опредѣляется г. Острогорскимъ такимъ образомъ: «Онъ очень любилъ міръ Божій, болѣе всего родину, а въ ней природу и челоуѣка. Богъ далъ ему великій даръ писать просто и душевно. Долго, до старости, не чуялъ онъ въ себѣ этого дара, но, почувявъ, рассказывалъ о томъ, что зналъ и любилъ. И оставилъ онъ намъ чудные рассказы о родныхъ степяхъ, рѣкахъ, оврагахъ, болотахъ, лѣсахъ, поляхъ, метеляхъ и вьюгахъ, о красѣ несны и лѣта; рассказы, какъ живетъ рыба, дичь, звѣрь и, наконецъ, и о томъ, какъ жили, или, вѣрнѣе, прозябали среди этой природы въ сытомъ бездѣлѣ, на готовомъ хлѣбѣ, добытомъ тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ, старинные простые русскіе люди, посвоему, непосредственно, стихійно чувствуя, не задаваясь никакими вопросами, не мучаясь никакими сомнѣніями. С. Т.

Аксаковъ—нашъ вполне національный русскій по
ляваго анализа, непосредственно соизвещающій жи
вни ея изображенія, согрѣтыя чувствомъ теплой
немногочисленны, не равнообразны, но зато все,
до глубины и тонкости поразительной, и притомъ
роды, и этого наивнаго изображеннаго имъ чело

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящи архивъ министерства юстиціи. Книга

Кому неизвѣстна пословица: «у живаго чело
Пословица совершенно справедливая, потому что «
чемъ нибудь, отвлеченномъ отъ живни. По отноше
ученаго сословія эту же самую пословицу можно
измѣнить: можно было бы сказать, что «у живаго
трудъ бываетъ живымъ», и пословица осталась бы
этомъ примѣненія. Эта мысль приходила намъ посто
въ свѣтъ отдѣльныхъ книгъ «Описанія документовъ
Московскимъ архивомъ министерства юстиціи. С
пѣемъ просматривая отъ начала до конца кажды
мы постоянно благодарили мысленно главнаго вино
разумной ученой ватѣи—того «живаго» русскаго че
разрѣшить одну изъ весьма мудреныхъ задачъ: съум
документовъ и бумагъ» архива придать живую и
Съ глубокою грустью подумали мы, вскрывая вос
что главнаго виновника и вдохновителя столь пол
на свѣтъ: эта восьмая книга была въ полномъ с
пѣсеню» Н. А. Попова! Будетъ ли и послѣ него пр
и прекрасное изданіе, для котораго онъ сьумѣлъ най
молодыхъ дѣятелей, или заглохнетъ при новомъ арх
глохнуть на Русь многія прекрасныя начинанія?—
мы задавались теперь, перелистывая восьмую кни

Въ этой восьмой книгѣ «Описанія» находимъ въ н
пытную работу: «Краткій обзоръ ученыхъ за
посторонними лицами и вѣдомствами на ос
хранящихся въ Московскомъ архивѣ ми
Этотъ обзоръ состоитъ изъ двухъ главъ. Первая ее
занятій частныхъ лицъ въ архивѣ; во второй гла
постороннихъ вѣдомствъ и учрежденій, пользовавш
Весь этотъ обзоръ представляетъ собою любопыт
въ исторіи развитія русской исторической литера
изученіе рукописнаго матеріала быстро развивае
большій и большій кругъ новыхъ дѣятелей къ ар
это видимъ изъ сопоставленія цифръ, приводимыхъ
Оказывается, что втеченіе 48-ми-лѣтняго сущест
занималось 269 челоѣкъ; но втеченіе первыхъ
въ архивѣ было всего только шестеро, а въ не
годно бываетъ не менѣе 30 челоѣкъ!